

Т. А. Шабанова

Екатеринбург, Россия

Т. А. Shabanova

Ekaterinburg, Russia

ОБРАЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ГЛАЗАМИ ФЕМИНИСТОК США

IMAGE OF A WOMAN AS VIEWED BY THE US FEMINISTS

Аннотация. *Анализируется метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе США. Рассматривается образ женщины как часть национальной идентичности.*

Abstract. *The article presents analysis of metaphorical representation of a woman's image in the feminist discourse of Russia. Image of a woman as an integral part of national identification is highlighted.*

Ключевые слова: *метафора; женское движение; феминизм; права женщин; дискриминация; феминистский дискурс; национальная идентификация.*

Key words: *metaphor; women's movement; feminism; women's rights; discrimination; feminist discourse; national identification.*

Сведения об авторе: *Шабанова Татьяна Андреевна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.*

About the author: *Shabanova Tatiana Andreevna, Post-graduate Student of the Chair of Rhetoric and Inter-cultural Communication.*

Место работы: *Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).*

Place of employment: *Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).*

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285.
e-mail: tatshab@yandex.ru.*

Мы полагаем, что неотъемлемой частью (структурным элементом) идентичности любой нации являются образы мужчин и женщин, входящие в «Мы-образ».

Национальная идентичность — это вид коллективной идентичности, свойство группы или человека, связанное с ощущением принадлежности к какой-либо нации; это «формирующееся на основе этнического и политического единства состояние групповой солидарности, включающее коллективный (осознание и переживание нацией своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к нации) уровни» [Рябов 2007].

Идея о том, что образы СВОИХ и ЧУЖИХ в коллективной идентичности взаимообусловлены, восходит к работам выдающегося английского психолога Г. Тэджфела [Tajfel 1982]. Значительный импульс ее развитие получило в трудах норвежского антрополога Ф. Барта [Barth 1969].

Ключевой момент в формировании национальной идентичности — это проведение границ между СВОЕЙ нацией и ЧУЖОЙ. Границы проводятся с помощью особых маркеров, элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.) [Barth 1969]. Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать и гендерные идентификаторы, что было исследовано в монографии Н. Ювал-Дэвис [Ювал-Дэвис 2001]. Мы понимаем под гендерными идентификаторами совокупность гендерных образов и представлений, стереотипов, символики, используемых в определении границ СВОЕЙ национальной (этнической) общности и репрезентации ее членов. К числу важнейших гендерных

идентификаторов относятся образы СВОИХ и ЧУЖИХ мужчин и женщин, которые создает каждая нация.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить СВОИХ и ЧУЖИХ, но и выработывают систему оценок и предпочтений. При этом, как показал Г. Тэджфел, оценки СВОИМ и ЧУЖИМ даются по принципу ингруппового фаворитизма, согласно которому, в результате сравнения СВОЕЙ группы с ЧУЖОЙ аутгруппам атрибутируются по преимуществу негативные качества, в то время как ингруппам — позитивные. В случае использования гендерных идентификаторов соответственно гендерный порядок СВОИХ репрезентируется, как правило, в качестве нормы (СВОИ мужчины — самые мужественные, СВОИ женщины — самые женственные), в то время как гендерный порядок ЧУЖИХ — в качестве девиации [Рябов 2007].

Отношения Мы — ОНИ пронизывают всю сферу коммуникации феминистского дискурса. С целью успешной манипуляции общественным сознанием феминистки активно используют тактики метафорической дискредитации оппонентов и героизации своих сторонников, что неминуемо приводит к поляризации СВОИХ и ЧУЖИХ, героев и преступников.

Как категория феминистского дискурса, данная оппозиция отражает не только феминистскую ситуацию в определенной стране, но и сам процесс формирования этноса, развития этнического сознания [Козлова 1999], что позволяет рассматривать биполярную категорию СВОИ — ЧУЖИЕ как лингвокультурологическую категорию дискурса.

В качестве материала для исследования использовались социополитические тексты феминистской проблематики. Для исследуемых социополитических текстов характерно темати-

ческое единство, связанное с деятельностью феминистского движения в США. Текстовый материал, собранный для настоящего исследования, свидетельствует о том, что круг СВОИХ для феминистского движения США включает в себя три социальных блока, интегрируемых как МЫ: для американских феминисток относительно автономно существуют метафорические модели «МЫ — ЖЕРТВА», «МЫ — ВОИНЫ» и «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ».

Представление женщины с помощью метафорической модели «МЫ — ЖЕРТВА» является наиболее распространенным манипулятивным приемом интеграции феминистского движения со своими нынешними и будущими сторонниками. Отождествление происходит в терминах военной метафоры и служит идеальным средством выражения полного неприятия вековых оков патриархата и системы угнетения женщин: *Women's chains have been forged by men, not by anatomy* [Dezhda Mountz // RS. 23.07.2010]; *If all men are born free, how is it that all women are born slaves ?* [http://inastrangeland.wordpress.com. 04.09.2010].

Актуализация метафорической модели «МЫ — ЖЕРТВА» целенаправленно формирует образ современных американских феминисток как людей, которые не хотят оставаться в роли жертвы, не поддерживают насилие и хотели бы оградить свою страну в целом, а женщин в частности, от любых его проявлений: *Acquaintance rape is more common than left-handedness, alcoholism and heart attacks* [Wolf 2007: 166]; *Marriage has existed for the benefit of men; and has been a legally sanctioned method of control over women... We must work to destroy it. The end of the institution of marriage is a necessary condition for the liberation of women. Therefore it is important for us to encourage women to leave their husbands and not to live individually with men* [http://www.conservapedia.com/Feminism. 24.07.2009].

Прагматический потенциал рассматриваемых метафор связан с агрессией, насилием, сильным напряжением, концентрацией усилий, игрой по установленным правилам и без них. Все это позволяет феминисткам максимально «сгустить краски» при создании негативного образа мужчины и описании «тяжелой женской доли». Данный манипулятивный прием сохраняет свою актуальность по отношению к любому проявлению патриархата в американском обществе, что укрепляет позиции феминистского движения как средства мобилизации воли женщин Америки и побуждения их к деятельности, направленной на свою защиту и достижение благополучия.

В феминистском дискурсе США при метафорическом моделировании СВОИХ востребованной оказывается метафорическая модель МЫ — ВОИНЫ, реализуемая посредством военной метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что концептуальная метафора

«СПОР — это БИТВА» принадлежит к числу метафор, на которые опирается американская культура в ситуации разногласия [Лакофф, Джонсон 2004]. Несмотря на то что в социополитической риторике не происходит физического сражения как такового, идет словесная битва, и это отражается в структуре полемики. Ср.: *Women and birds are able to see without turning their heads, and that is indeed a necessary provision for they are both surrounded by enemies* [http://www.giga-usa.com. 02.04.2009]. *All patriarchy exalts the home and family as sacred, demanding it remain inviolate from prying eyes. Men want privacy for their violations of women... All women learn in childhood that women as a sex are men's prey* [Marilyn French // The Guardian. 11.05.2010].

Заемствование образов, эпитетов и терминологии военной тематики является неотъемлемым атрибутом компетентного социополитического дискурса, смысл которого — борьба за власть — сам по себе уже глубоко метафоричен и милитаризован. Отсутствие в дискурсе метафор войны воспринимается как апатия политического субъекта, его физическая слабость и моральное разложение. Невозможно представить функционирование центральной политической оппозиции СВОИ — ЧУЖИЕ без обращения к метафорам войны, которые актуализируют модель МЫ — ВОИНЫ. Ср.: *Women are not the weak, frail little flowers that they are advertised. There has never been anything invented yet, including war, that a man would enter into, that a woman wouldn't, too* [http://www.minnpost.com. 11.12.2009]. *Since marriage constitutes slavery for women, it is clear that the women's movement must concentrate on attacking this institution. Freedom for women cannot be won without the abolition of marriage* [http://mensnewsdaily.com. 14.11.2010].

Как мишени метафорической экспансии, мужчины предстают разрушителями, эксплуататорами, ведущими жестокую борьбу. Дискредитацию мужчин посредством метафоры войны можно объяснить целью общественного движения — максимально консолидироваться со СВОИМИ сторонниками. Женщина-воин вступает в противоборство с мужчиной, который превратил ее жизнь в сущий кошмар, сделал ее заложницей в своем доме. Ср.: *The most dangerous place for a woman statistically speaking is not in the street. It's in her own home* [СНН. 24.03.2009].

При описании действительности в рамках метафорической модели МЫ — ВОИНЫ наибольшее развитие получают модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества, неестественности, отклонения от естественного порядка вещей. Подобные метафоры вызывают агрессивное состояние у адресата, негативно представляя предмет речи, создавая в феминистском дискурсе образ враждебной социополитической реальности.

С целью успешной манипуляции общественным сознанием феминистки активно используют апелляции к прошлому, которое привело к тому, что в настоящем близость с мужчиной является не чем иным, как насилием, унижением, презрением и уничтожением женщины. Ср.: *One can know everything and still be unable to accept the fact that **sex and murder are fused in the male consciousness, so that the one without the imminent possibility of the other is unthinkable and impossible*** [<http://www.andreadworkin.net>. 11.04.2011]. *Under law, rape is a sex crime that is not regarded as a crime when it looks like sex. The law, speaking generally, defines rape as intercourse with force or coercion and without consent. Like sexuality under male supremacy, this definition assumes the sadomasochistic definition of sex: intercourse with force or coercion can be or become consensual* [<http://fathersforlife.org>. 13.08.2010].

Нельзя обойти вниманием концептообразующее понятие *смерти* как символа разрушения, разложения и несчастья. Смерть как знак неблагополучия, как закономерность, как результат увядания является неотъемлемой частью понятия брака в феминистском дискурсе, что объясняет ее присутствие в метафорическом образе женщин Америки: *The traditional flowers of courtship are **the traditional flowers of the grave, delivered to the victim before the kill. The cadaver is dressed up and made up and laid down and ritually violated and consecrated to an eternity of being used*** [<http://reason.com>. 13.03.1009].

Высвечивание негативных сторон ЧУЖИХ, дискредитирующее описание их поступков нацелено на указание необходимости перемен, призыв к активным действиям: *We can't **destroy the inequities between men and women until we destroy marriage*** [<http://www.ifeminists.net>. 10.02.2010]. *The end of the institution of marriage is a necessary condition for **the liberation of women. Therefore it is important for us to encourage women to leave their husbands*** [<http://www.conservapedia.com/Feminism>. 17.05.2009].

Создается образ женщины-воина, женщины — рыцаря «без страха и упрека», окруженной возвышенно-романтическим ореолом будущего без мужского доминирования. В этом образе персонифицируется представление феминисток об идеальном обществе — строгом, но справедливом.

Дискурс борьбы СВОИХ и ЧУЖИХ прагматически агрессивен и динамичен [Проскуряков 1999], что предопределяет значимость военной метафоры в сфере социополитического манипулирования. Представление мира как территории военных действий полностью отвечает целям непримиримой борьбы, консолидации СВОИХ, дискредитации конкурентов и столкновения мнений в социополитическом дискурсе.

Консолидация МЫ в феминистском дискурсе осуществляется посредством тактики само-

возвеличивания, другими словами, создания положительного автоимиджа. Феминисткам Америки свойственно использование приемов эффективной саморекламы и героизации СВОЕГО движения.

В дискурсе феминистского движения США прослеживается профессиональное использование PR-технологий с целью добиться максимального воздействия на сознание адресата. Высокий уровень владения PR-технологиями приводит к повышенной метафоричности американского феминистского дискурса. Получают широкое распространение героификация, легитимация и другие приемы позитивной саморепрезентации.

Включение женской части населения всей планеты в группу СВОИХ традиционно и широко практикуется в феминистском дискурсе США, что позволяет решать задачи прагматического плана в пределах мирового контекста. Прежде всего, данная модель подразумевает интеграцию глобального сообщества, частью которого является каждая женщина. Объединение индивидуальных усилий ведет к накоплению мощной силы и энергии для решения глобальных проблем неравенства. Ср.: *As a woman I have no country. As a woman **my country is the whole world*** [<http://www.humanitiesresearch.net>. 09.11.2007].

Искусство и религия как сферы-источники метафорической экспансии предоставляют широкие возможности для реализации эмоционального заряда метафоры. Слова-символы данной лексической группы относятся к единицам, которые служат повышению экспрессивности, для них характерно «постоянное переворачивание, перемешивание плохого и хорошего, высокого и низкого, смешного и печального» [Плуцер-Сарно 1999]. Прагматический потенциал метафорической модели «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ» определяется яркими концептуальными векторами благородства, величия, высокого искусства, безупречности, мастерства: *Sure God created man before woman, but then again you always make **a rough draft before creating the final masterpiece*** [<http://www.smh.com.au>. 28.09.2010].

Представители феминистского движения США в своих выступлениях, статьях и призывах склонны к использованию ярких образов, символизирующих прогрессивность, умение отстаивать свою позицию и брать инициативу в свои руки. Неудивительно, что для создания имиджа динамичной, сильной и перспективной женщины феминистки Америки часто апеллируют к образам, возносящим женщину на пьедестал, представляющим идеальную женщину, которые по всем параметрам превосходят мужчин: *We are, as a sex, **infinitely superior to men*** [<http://my.telegraph.co.uk>. 24.10.2007]. *I believe that women are **the more spiritually advanced sex*** [<http://www.washingtonpost.com>. 06.12.2009].

Существует мнение, что, поскольку США создавались и развивались на протяжении

двухсот лет, руководствуясь идеей прогресса как приоритетным аксиологическим ориентиром, сформировался менталитет американской нации с мессианской направленностью — уверенностью в своем особом предназначении в мире. Влияние феминизма как религии принимает гипертрофированные размеры, предполагается, что он распространяется по территории всей планеты, приобретает глобальные масштабы; тем самым формируется представление о том, что все происходящее в Америке под влиянием феминизма носит божественный характер, предначертано свыше. Ср.: *Feminism is sort of like God. Many people profess to believe in it, but no one seems to be able to define it to everyone's satisfaction* [<http://www.aaronallston.com>. 20.09.2009].

Акцентируя внимание адресата на идее уникальности женщины во всех ее проявлениях, коннотативно нагруженные номинации продуцируют образ женщины, которая прекрасна просто потому, что она женщина: *I am beautiful as I am. I am the shape that was gifted. My breasts are no longer perky and upright like when I was a teenager. My hips are wider than that of a fashion model's. For this I am glad, for these are the signs of a life lived* [<http://www.quotegarden.com/feminism.html>. 14.10.2009].

Таким образом, составляющие данную модель метафорические номинации нагружены позитивным прагматическим потенциалом. При введении в метафорический контекст позитивных окрашенных сочетаний саморепрезентации и восхваления возникают положительные ассоциации, связанные с дееспособностью, нужностью, эффективностью.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что метафорическая модель «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ» находит достаточно широкое применение в американском феминистском дискурсе для формирования образа СВОИХ, воссоздавая и подтверждая уже имеющуюся концептуальную картину мира в сознании реципиентов.

В заключение мы можем сделать следующие выводы. Национальные образы мужчин и женщин являются важным идентификатором, с помощью них проводится граница между нациями, определяется, кто СВОЙ, а кто ЧУЖОЙ, а следовательно, поддерживается национальная идентичность. В феминистском дискурсе женщина наделяется необычными нравственными, волевыми и духовными качествами. При этом женщина, по мнению феминистского движения США, должна быть достаточно авторитарной, влиятельной и обладать правом окон-

чательной оценки всего происходящего, иначе говоря, быть командиром действующей армии, который не хочет «подорвать свой авторитет» и которому нужно «завоевать уважение и доверие своих питомцев», а потом сохранить завоевания. Метафорические модели, используемые для манипулятивного формирования представлений о женщине в американском дискурсе, отличаются агрессивным и воинственным настроением. В американском феминистском дискурсе для метафорической характеристики женщины и феминистки чаще всего употребляются милитарная, криминальная и религиозная метафора, наиболее частотны модели «МЫ — ЖЕРТВА», «МЫ — ВОИНЫ», «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ». Это связано с особой значимостью отдельных социальных, политических, государственных и культурных составляющих ситуации в американской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference : Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23d to 26th Febr. 1967* / F. Barth (Ed.). — L. ; Bergen : Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.

Tajfel H. *Social Identity and Intergroup Relations*. — Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Pr. ; P. : Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 1982.

Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн // *Общественные науки и современность*. 1999. № 5. С. 164—174.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры* : сб. / вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 387—415.

Нойманн И. Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова ; предисл. А. И. Миллера. — М. : Новое изд-во, 2004.

Плущер-Сарно А. А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: пародия, плач, исповедь и пасквиль — жанры русской политики // *Логос*. 1999. № 9. URL: www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09.

Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы : (Очерк языка выборов) // *Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология*. 1999. № 1. С. 34—39.

Рябов О. В. «Матушка-Русь» : опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М. : Ладомир, 2001.

Ювал-Дэвис Н. *Гендер и нация* / пер. И. Новиковой. — М. : Елра, 2001.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова